

УДК 323.22

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_107

АГЛОМЕРАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: СИБИРСКИЙ КЕЙС

Николай Алексеевич Баранов,

Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
nicbar@mail.ru

Получена 17.06.2024.

Поступила после рецензирования 19.07.2024.

Принята к публикации 15.08.2024.

Для цитирования: Баранов Н.А. Агломерационная идентичность как фактор развития российской государственности: сибирский кейс // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 3. С. 107–126. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_107

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о влиянии фактора идентичности на развитие крупнейших сибирских агломераций. Уникальность сибирских мегаполисов представляет научный интерес, связанный с выявлением особенностей агломерационной идентичности Красноярска, Новосибирска и Омска. Обзор теоретической базы исследования свидетельствует о большом количестве зарубежных и российских публикаций, освещающих процессы формирования, динамики и увеличения возможностей городских агломераций и, в частности, агломерационной (городской) идентичности как важнейшем факторе их развития. Однако недостаточно проводится исследований по выявлению особенностей функционирования агломераций, исходя из культурных, территориальных, локальных, этнических, конфессиональных отличительных черт. Поэтому целью работы является выявление особенностей агломерационной идентичности крупнейших городских агломераций Сибири – Красноярска, Новосибирска

© Баранов Н.А., 2024

и Омска. Источником статьи стали результаты экспертного опроса, в котором приняли участие отечественные исследователи в области изучения политики идентичности из трех сибирских регионов. Методами исследования стали нестандартизированное интервью и дискурс-анализ. В целях выявления особенностей политики идентичности в Красноярской, Новосибирской и Омской агломерациях в работе проведено сравнение ответов экспертов на одинаковые вопросы, на основании которого автором сделаны соответствующие выводы. Процесс формирования городских агломераций в современных государствах является естественным, поэтому необходимо формировать законодательную базу, которая в России пока отсутствует. А в отсутствии официального статуса городских агломераций затруднительным становится процесс формирования соответствующей идентичности, что в целом может сказаться на их успешном развитии.

Ключевые слова:

агломерационная идентичность, городская идентичность, государственно-гражданская идентичность, мегаполис, политика идентичности, фактор пространства

Источники финансирования:

исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта», <https://rscf.ru/project/23-28-00933/>

UDC 323.22

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_3_107

AGGLOMERATION IDENTITY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN STATEHOOD: THE SIBERIAN CASE

Nikolay A. Baranov,

Northwest Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation,
nicbar@mail.ru

Received 17.06.2024.

Revised 19.07.2024.

Accepted 15.08.2024.

For citation: Baranov, N.A. (2024). Agglomeration Identity as a Factor in the Development of Russian Statehood: The Siberian Case. *Discourse-P*, 21(3), 107-126. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_107

Abstract

The article examines the impact of the identity factor on the development of major Siberian agglomerations. The distinctiveness of Siberian megacities offers academic interest, particularly in ascertaining the unique features of the agglomeration identity in Krasnoyarsk, Novosibirsk and Omsk. A review of the theoretical basis of the study reveals a substantial number of publications in both foreign and Russian academic literature concerning the formation, dynamics and potential of urban agglomerations, with a particular emphasis on urban identity as a crucial factor in their development. However, there is a noticeable lack of research addressing the specific characteristics of agglomeration functioning based on cultural, territorial, local, ethnic, and confessional distinctions. The article appeals to the results of an expert survey, conducted among local researchers specializing in identity politics from three Siberian regions. The method of collecting information was utilized during an expert survey in the form of unstructured interviews, while discourse analysis was employed for processing the obtained primary data. To discern the features of identity politics within the Krasnoyarsk, Novosibirsk and Omsk agglomerations, the paper compares experts' responses to identical questions, leading the author to relevant conclusions. The process of urban agglomeration formation in modern states is a natural one, therefore it is necessary to form a legislative framework, which is currently lacking in Russia. In the absence of official status for urban agglomerations, cultivating a corresponding identity becomes challenging, potentially impacting their successful development.

Keywords:

agglomeration identity, urban identity, state-civil identity, metropolis, identity politics, space factor

Funding:

this study was conducted at St. Petersburg State University with financial support from the Russian Science Foundation under research project No. 23-28-00933 "Identity Politics in Russian Agglomerations in the Context of International Experience", <https://rscf.ru/project/23-28-00933/>

Введение

Российская государственность в XXI веке претерпела глубокие метаморфозы, связанные с поиском путей развития и внешнеполитических приоритетов,

и подверглась серьезным испытаниям в связи с возросшим международным влиянием. Надежды на гармоничное развитие с европейскими странами не оправдались, поэтому актуальным стал поиск внутренних возможностей для решения социально-экономических и политических задач. Обращение в сложившихся условиях к традиционным ценностям и формирование на этой базе общероссийской гражданской идентичности является одним из важнейших направлений эволюции российской государственности. Осознание принадлежности граждан к своему государству, региону, городу в совокупности с формированием чувства ответственности за судьбу своей страны становится важным трендом в современном развитии России. Поэтому фактор идентичности занимает важное место как в анализе долгосрочных и текущих трендов общественного развития, так и в социально-экономических исследованиях. Как отмечает И.С. Семененко, интерес к этому концепту связан с тем, что «идентичность позволяет посмотреть на эмоциональное переживание своего «я» в соотнесении с «другими» как в аспектах процессуальности и статусности, так и коммуникативности, соединить микрополитический и макрополитический уровни анализа субъективного пространства политики и социальной реальности» (Семененко, 2023, с. 9).

Действительно, потребность человека в принадлежности к группе соотносится с позитивными коннотациями, связанными с событиями, историями, воспоминаниями, объединяющими людей в социальном пространстве. Ф. Фукуяма полагает, что идентичность проявляется через признание другими внутреннего чувства собственного достоинства: «Поскольку стремление к признанию заложено в природе человека, сегодня чувство идентичности быстро превращается в политику идентичности, в рамках которой люди требуют общественного признания своей ценности» (Фукуяма, 2019, с. 33–34).

Для успешного развития России как для страны с наибольшей площадью также необходимо учитывать *фактор пространства*. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года отмечается устойчивая тенденция, связанная с концентрацией населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают городские агломерации, являющиеся центрами экономического роста. Поступательное движение вперед Российской Федерации предполагает «обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны»¹.

В Стратегии предусмотрено три вида агломераций в Российской Федерации: городская агломерация с численностью населения более 250 тыс. чел., крупная городская агломерация с населением от 500 до 1000 тыс. чел. и крупнейшая городская агломерация с общей численностью населения более 1 млн чел., связанными совместным использованием инфраструктурных объектов и объединен-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года // Консорциум Кодекс. Взято 14 мая 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/552378463?marker=656010>

ных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми, и социальными связями².

В 2020 году Минэкономразвития России был подготовлен проект Федерального закона «О городских агломерациях»³, в котором определялось понятие городской агломерации, критерии ее формирования, полномочия органов публичной власти в сфере развития агломераций, а также общие требования к системе управления развитием городской агломерации. Однако законопроект не был внесен в Государственную Думу. При отсутствии законодательной базы правового регулирования агломераций Правительство Российской Федерации приняло Постановление «Об утверждении Правил согласования, утверждения и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций»⁴. Поскольку продолжается концентрация населения, хозяйственной и социальной активности в городских агломерациях, которые становятся ключевым звеном развития Российской Федерации, то актуальность их правовой легализации на федеральном уровне сохраняется.

В свою очередь развитие городских агломераций как точек роста зависит от сплоченности населения на этих территориях, осознания гражданами своей значимости в общем деле, ответственности за развитие регионов и городов, единства власти и общества в решении социально-экономических задач.

Целью работы является выявление особенностей агломерационной идентичности крупнейших городских агломераций Сибири – Красноярска, Новосибирска и Омска.

Теоретическая база исследования

С концептом идентичности связываются разнообразные процессы, протекающие как в рамках государства, так и в рамках локальных пространств. Перспективным направлением становится исследование агломераций как больших пространств, объединяющих крупный город и более мелкие населенные пункты в единый социально-экономический организм. Л. В. Смирнягин предлагает следующее определение агломерации: «территориальная совокупность нескольких населенных пунктов (в основном городов), которые объединены в единую локальную систему трудовыми и другими поездками населения, развитыми благодаря взаимной близости этих городов и хорошим средствам коммуникации между ними» (Смирнягин, 2008, с. 165). Ч. Фан и Д. Ю характеризуют городскую агломерацию как высокоразвитую пространственную форму интегрированных городов, когда отношения между городами переходят от конкуренции в основном к соперничеству и сотрудничеству (Fang, Yu, 2017,

² Там же.

³ Проект Федерального закона «О городских агломерациях». Взято 14 мая 2024, с <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=199079#9BS6RLUWeErypFF51>

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2022 г. № 996. Взято 14 мая 2024, с <http://government.ru/docs/all/141275/>

р. 126). Китайские ученые в своей работе проанализировали эволюцию термина «городская агломерация» как эквивалента городского кластера в интерпретации Э. Ховарда (Ebenezer, 1902), принципиального переосмысления данного понятия Ж. Готтманом как мегаполиса (кластера мегаполисов) (Gottmann, 1957), до современных трактовок как высокоинтегрированных групп городов, разделяющих общие интересы и судьбу, представляющих городскую агломерацию одновременно экономическим сообществом и сообществом по интересам (Fang, 2015).

Характеристика современных городских агломераций на разных континентах представлена в книге «Городские агломерации» под редакцией турецкого исследователя М. Эргена (Ergen, 2018). Казахстанские исследователи Г.К. Суендикова, М.О. Рыспекова и Ш. Ниязбекова анализируют модели развития европейских и американских агломераций, делая вывод о схожести казахстанской и российской агломерационной модели (Suyendikova et al., 2023). А в книге Ф. Харрисона «Управление сложными городами-регионами в XXI веке: Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка» расширяется география опыта управления мегаполисами, распространяясь за пределы европейских стран (Harrison, 2023). Акцент в монографии сделан на культурные особенности рассматриваемых стран, которые отличают их от европейских и американских практик управления агломерациями.

От развития агломераций в значительной степени зависит расширение возможностей регионов и страны в целом. Как отмечает П. Степанцов, особенность современного развития крупных городов заключается в наличии множественных точек солидаризации, объединения людей вокруг разных идентичностей: «Концептуально включенность в разные формы солидарности зависит не от места проживания, а от социальной активности. В результате принадлежности к сообществу, то есть разделения определенной формы солидарности, формируется одна из множественных идентичностей. Современный город допускает возможность комбинирования этих точек солидарности – так создается множественная идентичность горожанина. В центре агломерации возникает больше точек солидарности. Точки солидарности – это места в городской среде, в которые вписаны реализации определенных видов практик» (Степанцов, 2021, с. 92–93). Близкой точки зрения придерживался Г. Зиммель, полагая, что горожане вступают в социальные отношения, руководствуясь не эмоциональной привязанностью, а рациональным расчетом (Зиммель, 2018).

Вопросы, связанные с агломерационной идентичностью, находятся в центре внимания зарубежных исследователей. Причем в ряде исследований акцент делается на городской идентичности, решающим образом влияющей на локальные социальные факторы более крупного территориального образования. Так, Р. Рахбариянзид и Н. Доратли анализируют культурные стратегии в развитии городов (Rahbarianyazd, Doratli, 2017). П. Нентид, Б. Алиадж и К. Стаховяк-Бонгва на примере Роттердама, Щецина и Тираны пытаются ответить на вопрос: должны ли городские власти участвовать в формировании (социальной) городской идентичности? Вывод, к которому приходят авторы, сводится, с одной стороны, к признанию конструктивного характера такого влияния на формирование социальной городской идентичности, а с другой стороны – к риску появления

политического контроля над городскими символами и нарративами (Nientied et al., 2022).

Тема агломерационной (городской) идентичности также активно обсуждается российскими исследователями. Так А. М. Сосновская акцентирует внимание на политике городской идентичности Санкт-Петербурга в культурном контексте (Сосновская, 2022), она же в 2024 году успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия» (Сосновская, 2023). С. К. Калашникова рассматривает эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении петербуржцев (Калашникова, 2022), Р. М. Вульфович проводит сравнительный анализ тенденций развития в урбанизированных регионах КНР и РФ (Вульфович, 2023), О. А. Богатова исследует социальную идентичность в административных центрах субъектов Российской Федерации (Богатова, 2020), Е. В. Грунт и Л. В. Русских рассматривают городскую идентичность жителей уральского мегаполиса (Грунт, Русских, 2020), Ж. В. Николаева и А. А. Троицкая дискутируют об идентичности как способе осмысления городского пространства (Николаева, Троицкая, 2020), Н. И. Мартишина выявляет особенности конструирования городской идентичности в Новосибирске (Мартишина, 2020), Г. В. Горнова и Д. В. Воронин решают проблему «пространственной привязки» ценностных значений городской идентичности (Горнова, Воронин, 2024), А. А. Михайлова, П. А. Баракхостов, А. С. Михайлов рассматривают формирование нового урбанистического пространства как сложной системы взаимодействия цифрового образа человека и складывающейся вокруг него цифровой городской среды (Михайлова и др., 2021), О. И. Вендина и А. С. Зиновьев акцентируют внимание на эксклавности и пограничности региона в контексте формирования калининградской идентичности (Вендина, Зиновьев, 2022).

В контексте формирования агломерационной идентичности актуальным становится вопрос о политике идентичности, связанной с целенаправленными действиями субъектов политики, чаще всего, государства и его институтов, в целях публичного признания конкретной идентичности (национальной, региональной, агломерационной, локальной). Искомая идентичность предполагает совокупность «представлений о себе, о своих отличительных качествах, об особой судьбе, о специфике жизненного пути и обретенных свойствах» (Пушкарева, 2023, с. 377). Появились публикации о секьюритизации идентичности, которая трактуется как «дискурсивный процесс, в котором актор делает заявление об угрозе по отношению к идентичности (системе ценностей, традиций) со стороны Значимого Другого» (Фадеева, 2023, с. 387). Следует отметить научные работы О. В. Поповой по проблемам политики идентичности и государственной политики идентичности (Попова, 2019; Попова, 2020; Попова, 2024; Попова, Гришин, 2024). В свою очередь Н. В. Гришин выявляет роль политических и административных элит в политике формирования идентичности городских агломераций (Гришин, 2023), а С. К. Калашникова и М. Я. Погодина проводят дискурс-анализ выступлений лидеров регионов в контексте территориальной политики идентичности (Калашникова, Погодина, 2024).

Таким образом, значительное количество публикаций как в зарубежных, так и в отечественных изданиях свидетельствует о научном интересе к процессам

формирования, динамики и увеличения возможностей городских агломераций и, в частности, агломерационной (городской) идентичности как важнейшем факторе их развития. В то же время актуальным и востребованным становится выявление особенностей функционирования агломераций, исходя из культурных, территориальных, локальных, этнических, конфессиональных отличительных черт.

Результаты исследования

Важнейшим источником статьи стали результаты экспертного опроса, проведенного автором статьи и О.В. Поповой в рамках реализации научного проекта «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта». Экспертами выступили ведущие отечественные исследователи в области изучения политики идентичности из соответствующих регионов. Метод сбора информации при проведении экспертного опроса – нестандартизованное интервью, метод обработки полученных первичных данных – дискурс-анализ.

В целях выявления особенностей политики идентичности в трех крупнейших сибирских агломерациях – Красноярской, Новосибирской и Омской – сравним ответы экспертов по следующим вопросам:

- 1) Приоритет идентичностей;
- 2) Основные компоненты политики идентичности в агломерациях;
- 3) Инструменты политики идентичности;
- 4) Цель политики идентичности;
- 5) Кто «мы» и кто «другие» в агломерациях;
- 6) Информационная политика;
- 7) Образовательная и просветительская политика, связанная с историей мегаполиса и агломерации;
- 8) Символический аспект политики идентичности;
- 9) Экологическая политика;
- 10) Интеграция мигрантов;
- 11) Местные инициативы.

Перейдем к сравнительному анализу ответов экспертов на поставленные вопросы.

1) **Приоритет идентичностей** (государственная или государственно-гражданская, региональная, агломерационная, городская, локальная идентичности).

Для Красноярска значимыми являются региональная, городская, локальная идентичности, из которых складывается государственно-гражданская идентичность, «когда мы можем очень сложно и вместе с тем однозначно по какой-то схеме идентифицировать себя с местными символами, как часовня Параскевы Пятницы на 10-рублевой купюре. Это совсем другое восприятие себя в пространстве и пространства в себе. <...> И через эту призму воспринимается и Часовня, и Столбы, и мост через Енисей, который упирается практически в Овсянку – родину Виктора Петровича Астафьева» (муж., д-р филос. наук, профессор).

В Новосибирской агломерации можно выстроить следующие приоритеты идентичности: в первую очередь – это государственно-гражданская, во вторую – региональная (макрорегион Сибирь), и в третью – городская.

В Омской агломерации в связи с протяженной государственной границей области с Казахстаном Омск рассматривается как «ворота в Азию», в связи с чем государственные интересы превалируют над региональными, поэтому государственно-гражданская идентичность является приоритетной для жителей агломерации.

2) Основные компоненты политики идентичности в агломерациях.

Для Красноярского края принципиальное значение приобретает такая характеристика, как «свой» губернатор, который понимает потребности жителей, проводит политику по благоустройству городов и других мест жительства. Уважение к месту, в котором проживаешь, красота природы, вписанной в городское пространство, создают условия для формирования идентичности, которую хочется воспринимать, как «свою». *«Чтобы люди были на позитиве, власть должна быть на правильном пути, а руководители города и области – хорошими заботливыми хозяйственниками»* (муж., д-р филос. наук, профессор). Важное значение приобретают значимые события, например Универсиада 2018 года, которая *«подняла самооценку красноярцев»*.

На примере Новосибирска видна неопределенность в государственной политике идентичности. *«С одной стороны, единые цели и задачи, с другой – федеративный характер государства, что подразумевает самобытность, даже практически самостоятельность субъектов этой федерации. Возникает федеративная асимметрия, что приводит к несколько сомнительным мероприятиям, таким как празднование культурного разнообразия практически моноэтнических регионов страны. Это характерно для Новосибирска, в котором власти подстраиваются под политику центра без учета особенностей региона»* (муж., политолог).

В Омской агломерации на политику идентичности существенное влияние оказывают политические приоритеты жителей Омска. Наибольшее влияние на политические предпочтения омичей оказывают две партии – «Единая Россия» и КПРФ, о чем свидетельствуют результаты выборов в законодательные органы власти как в области, так и в городе Омске. Раскол подтверждается социологическим опросом, проводимом респондентом об установке памятника Колчаку, результатом которого стало практически одинаковое количество голосов «за» и «против». Такой раскол не способствует консолидации общества, а следовательно, проблематично говорить об агломерационной идентичности. С точки зрения респондента, политическое просвещение способствовало бы формированию политической идентичности. *«Уровень политической вовлеченности, политической мобильности, вот из чего как бы складывается политическая идентичность, этот уровень достаточно низкий из-за вот такой политической непроявленности»* (жен., д-р полит. наук, профессор).

3) Инструменты политики идентичности.

Для всех трех агломераций инструментами являются политика памяти, символическая политика, образовательная и успешная экономическая политика. В данном контексте следует выделить Новосибирск, имеющий истори-

ческую особенность: *«Идентичность сибиряков становится актуальной для Новосибирска в годы Великой Отечественной войны, потому что возникает сильный образ сибиряков-фронтовиков, которые отстояли Москву и, собственно, до Берлина врага погнали. В годы Великой Отечественной войны Новосибирск стал промышленным городом, куда были передислоцированы крупные оборонные заводы. Создание Академгородка имело большое значение для города, так как Новосибирск стал восприниматься как научный центр. Новосибирск – город небоскребов, это тоже становится частью идентичности»* (муж., политолог).

4) Цель политики идентичности.

Для Красноярской агломерации – это единство. Потому что Сибирь представляет собой соединение религий, различных этнических групп, что влечет за собой столкновение противоположных аксиологических систем. *«Люди, которые освободились из мест заключения, вчерашние бамовцы, приехавшие заработать на машину, и остались навсегда. Формирование политической идентичности граждан ассоциируется у властей, осознанно или нет, как некая выработка понятия “сибиряк”, как некое универсального сочетания лучших аксиологических качеств от буддистов, представителей других народов»* (муж., д-р филос. наук, профессор).

Для Новосибирской агломерации важнейшим является восприятие Новосибирска как точки развития промышленного и научного потенциала.

Для Омска – это экономический подъем, создание инвестиционной привлекательности для региона. Впечатляет признание эксперта из Омска: *«Омичи предпочитают не признаваться при общении вне области, из какого они региона, так как не считают его успешным»* (жен., д-р полит. наук, профессор).

5) Кто «мы» и кто «другие» в агломерациях.

Эксперт из Красноярска отмечает «вселенскость» – особое состояние, скорее даже не сибирское, а красноярское. У сибиряков вообще хорошо развито чувство опасности из-за суровых условий: *«Вот она тайга, природа, бери, если хочешь. И нет такого опасения, что ты забираешь мое. Здесь совсем по-другому восприятие идет. Понятно – это от богатства, от широты, от всего. Я в принципе не слышал, что где-то возникал вопрос, что кто-то мне мешает. Это красноярская ассимиляция»* (муж., д-р филос. наук, профессор).

Острых противоречий между «своими» и «чужими» в Новосибирске нет. Имеются отдельные эпизоды, которые не перерастают в тенденцию, например противостояние спортивных болельщиков из разных сибирских городов и ревностное отношение к выбору третьего города России.

Свои для омичей – это те, кто любит свою Омскую землю и свой город. Омск – город нефтяников, поэтому все работающие в данной сфере – свои. Но такой показатель не работает в отношении тех, кто управляет регионом. Здесь очень неохотно принимают варягов, не из своих.

6) Информационная политика.

В Красноярской агломерации информационная политика характеризуется как провальная. Идентичность формируется не благодаря информационной политике, а вопреки ей, то есть возникает на низовом уровне, а не выстраивается сверху.

Информационная политика в Новосибирской агломерации по продвижению образа своей территории была заменена на идеологическую при мэре коммунисте (А.Е. Локоть – мэр Новосибирска в 2014–2024 гг.). Во время избирательной кампании 2023 г. никто не обращался к образу Новосибирска как к своей территории.

Целенаправленная информационная политика по сплочению омичей связана только с историческими сюжетами, которые широко представлены в медийном пространстве.

7) Образовательная и просветительская политика, связанная с историей мегаполиса и агломерации.

Изменяется примитивное упрощенное представление о Сибири как месте, куда ссылают. Эксперт из Красноярска рассказал, что один его знакомый, с той стороны, сказал так: *«Ты единственный, кого я знаю, кто сослал себя сам в Сибирь»* (это было в 1989 г.). Сюжетов о Красноярске, его людях – бесконечное множество. Это касается и публицистики, и науки – все чаще защищаются диссертации на региональную тему. Регионоведение, сибироведение в разных формах фактически есть во всех школах. Хорошо, по-современному работают музеи.

В Новосибирской агломерации проводятся уроки по истории Новосибирска в старших классах. Изданы учебники как по истории Сибири, так и по истории Новосибирска. Оперный театр, филармония, музеи, картинная галерея опираются на местную тематику во время мероприятий. Рядом местных библиотек создан Новосибирский краеведческий портал. Реализуется проект «Народная летопись Новосибирска» – это открытый портал, на котором любой человек может оставить воспоминания, мемуары о жизни, истории области, о людях, которые на территории области проживали. Новосибирск – один из первых, кто организовал и поддержал акцию «тотальный диктант».

В Омске много музеев, развиты этнографические и краеведческие исследования, например, активно работают краеведческие кружки при музее Врубеля, в вузах есть спецкурсы по истории Омска и области. Омский драматический театр – один из лучших в Сибири, обладатель рекордного количества театральных премий, является одним из брендов мегаполиса.

8) Символический аспект политики идентичности.

В качестве символов Красноярска, как отмечает эксперт, выступают первый сибирский губернатор Степанов, художник Суриков (есть музей), писатель Астафьев, оперный певец Хворостовский (его именем назван оперный театр). Вот как метафорично эксперт выражается о символической политике идентичности: *«В плане символики – это всегда освещенные прожекторами часовни как основа историческая, вот место, откуда начиналось все, и Енисей, как некая сила, которую вроде удалось обуздать, и вместе с тем понимаем, что эта сила выше нас, по своей сути, и кормилица. И это все переплетается взаимно и превращается в такой символ сибиряка, которым я горжусь»* (муж., д-р филос. наук, профессор).

В Новосибирске символы связаны в основном с героями Великой Отечественной войны. К Дню города организуются выставки об истории Новосибирска, проходит транссибирский арт-фестиваль с участием мировых

звезд классической музыки. Истории о наиболее известных людях Новосибирска размещаются в энциклопедии города. Ценится звание почетного жителя Новосибирска.

В Омске широко представлена революционная тематика, при этом массового переименования улиц и площадей не происходило. В то же время сохранилась историческая тема, связанная с основанием города.

9) **Экологическая политика.**

В Красноярской агломерации нет единой экологической политики, объединяющей и власть, и общество: *«Ощущения единства, что одно дело делаем, не только власть, но и общество, внутри общества не существует. А то, что мы все дышим одним воздухом одновременно и мусорим, и что это некая целостность, что одно из другого вытекает, нет такого ощущения, к сожалению»* (муж., д-р филос. наук, профессор). В то же время, отмечает эксперт, город чистый, люди стараются не мусорить, но, тем не менее, целенаправленной экологической политики нет.

В Новосибирской агломерации экологическая повестка взята на вооружение ведущими политическими партиями: *«И единокороссов можно увидеть на каких-то экологических акциях, и коммунисты периодически реку очищают от мусора. Но, наверное, активнее всего себя ведут в этом плане “Новые люди”»* (муж., политолог). Гражданский эоактивизм в большей степени развит в Академгородке. Складывается понимание решения общих экологических задач, что объединяет общество.

В Омской агломерации экологическая повестка очень значима ввиду наличия нефтехимических производств. Значительная часть НКО в Омске занимаются экологической проблематикой, и властные структуры к ним относятся с недоверием. Можно сказать, что экологическая тема объединяет жителей.

10) **Интеграция мигрантов.**

В Красноярской агломерации постепенно формируется понятие «сибиряка». *«То, что в конечном счете порождает ксенофобию, конфликт, оно стирается. Мигранты стараются не выделяться, так как некому что-то доказывать, вас просто не поймут»* (муж., д-р филос. наук, профессор).

В Новосибирской агломерации таджикская диаспора после событий в Крокус Сити Холле во избежание негативного к себе отношения со стороны коренных жителей собрала деньги и отправила на помощь СВО. Противостояния между местным населением и мигрантами нет. Позитивную роль в сплочении общества, по мнению эксперта, играет Русская православная церковь.

Так как значительная часть высокопрофессиональных омичей уезжают из региона, и их необходимо замещать мигрантами, то в области проводится открытая миграционная политика, что способствует установлению доверительных межэтнических взаимоотношений в Омской области.

11) **Местные инициативы.**

Красноярцы, по утверждению эксперта, грезят метро, которое необходимо для статусности города. Однако запуск нового вида городского транспорта перенесли сначала на 2026-й, затем – на 2027 год. Все горожане с нетерпением ждут.

В Новосибирской агломерации отмечается много местных инициатив. Например, студенческая инициатива под условным названием «Тимуровцы

нашего времени», участники которой помогают в удаленных районах области пожилым людям: ремонтируют дома, убирают снег. Работают поисковые отряды в местах возможной гибели новосибирцев на фронтах Первой и Второй мировых войн. Следует отметить местную инициативу «Краеведческий десант»: студенты посещают районы Новосибирской области, чаще всего в виде практики. Они отправляются в разные музеи городов и деревень Новосибирской области, обновляют информацию, записывают интервью с местными жителями. Собрана также многотомная энциклопедия Новосибирска краеведческого характера.

Из инициатив, которые выделяют Омск, необходимо отметить активную работу комитетов территориального общественного самоуправления (КТОС), которые занимаются благоустройством территорий, проведением различных мероприятий и которым люди доверяют.

Выводы

Результаты проведенного опроса позволяют выявить особенности формирования агломерационной идентичности, выделенные экспертами.

В-первых, на приоритеты идентичности влияет пограничное расположение территорий, что характерно для Новосибирской и Омской областей. Поэтому именно в этих агломерациях предпочтение отдается государственно-гражданской идентичности, в отличие от Красноярской агломерации, в которой региональная, городская, локальная идентичности, перетекая друг в друга, имеют приоритет перед государственной.

Во-вторых, на эффективное проведение политики идентичности решающее влияние оказывает институт губернатора. Для жителей Красноярского края и Омской области принципиальное значение имеет такая характеристика, как «свой» губернатор, глубоко разбирающийся в местных проблемах и знающий нюансы региона. Данный фактор способствует сплочению власти и общества в решении региональных, агломерационных, городских задач, что положительно влияет на формирование соответствующей идентичности.

В-третьих, Красноярская агломерация отличается от других сибирских крупнейших городских агломераций нацеленностью на формирование единого сплоченного общества, живущего в суровых условиях и гордящимся теми красотами, которыми одарила Красноярский край природа, а также людьми, оставившими значимый след в российской культуре, науке, образовании. Для Новосибирской и Омской агломераций как для «транзитных» регионов экономическая, инвестиционная, научная составляющие имеют приоритетное значение (в таких регионах люди не стремятся задержаться, а рассчитывают на переселение при благоприятных обстоятельствах в более успешные, такие как, например, Тюменская область или столичные центры – Москва, Санкт-Петербург).

В-четвертых, во всех крупнейших сибирских агломерациях неэффективно проводится информационная политика, которая либо узурпируется частными структурами для извлечения прибыли, либо подменяется политизированной повесткой, далекой от проблем региона. Поэтому для всех рассмотренных агломераций остро стоит вопрос о создании информационного проекта, направленного на сплочение власти и общества и успешной реализации политики идентичности.

В-пятых, эксперты из всех трех регионов отмечают отсутствие проблем в отношениях с мигрантами. Если Омская область остро нуждается в рабочей силе, то в Новосибирской области и Красноярском крае мигранты либо просто стараются не выделяться от коренного населения, либо происходит ассимиляция (как в Красноярском крае), чему способствуют суровые климатические условия и социальные особенности региона.

В-шестых, значимость экологической политики отмечается во всех агломерациях, причем для Новосибирска характерна политизация данного процесса, а для Красноярска и Омска – понимание жителями данной проблемы и отсутствие объединяющих административные власти и общество программ.

В-седьмых, во всех трех рассмотренных мегаполисах проводится достаточно эффективная образовательная и просветительская политика, связанная с историческими и географическими особенностями регионов. В школах и вузах читаются краеведческие курсы, развиваются театры, становятся современными музеи, защищаются диссертации на региональные темы. Данное направление деятельности является одним из наиболее успешных в контексте осуществления политики идентичности.

В-восьмых, следует отметить наличие достаточно большого количества местных инициатив, что свидетельствует о гражданской активности жителей мегаполисов и их заинтересованности в развитии регионов. Данная тенденция свидетельствует о том, что при наличии доверительных отношений между властными структурами и обществом будет возникать региональное, городское, локальное единство, способствующее формированию соответствующей идентичности.

Заключение

Формирование городских агломераций – это естественный процесс, характерный для современных государств. В Российской Федерации для функционирования агломераций еще не создана законодательная база, приняты лишь Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и правительственные нормативно-правовые акты, регулирующие определенные направления их деятельности и взаимоотношения с федеральным центром. Поэтому возникает проблема принятия соответствующего закона об агломерациях, проект которого обсуждался в 2020 году. Без законодательного закрепления статуса городской агломерации проблематично рассуждать о формировании соответствующей идентичности жителей. Приоритет региональной, городской и локальной идентичностей в значительной степени определяется соотношением граждан с традиционными территориями и формами поселений, а также официальным административно-территориальным делением страны.

Сибирские мегаполисы выделяются из остальных мегаполисов России своей удаленностью от столичного центра, суровыми климатическими условиями, природно-географическим ландшафтом, протяженными границами соответствующих субъектов федерации (Новосибирская и Омская области) с соседним государством. Поэтому здесь наиболее ярко проявляются особенности формирующихся агломераций.

Следует отметить быстро возрастающее количество публикаций в российских научных изданиях как про агломерации в целом, так и про конкретные, особенно крупнейшие городские агломерации, формирующиеся вокруг городов-миллионников, которых в Российской Федерации насчитывается шестнадцать. Появление научных работ о формировании идентичностей в агломерациях свидетельствует о востребованности данного направления исследований, что будет способствовать разработке политики идентичности городских агломераций, направленной на создание благоприятных условий для их развития.

Список литературы

1. Богатова, О.А. (2020). Социальная идентичность «городов власти» в современной России: основные социологические подходы. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 4(4), 361–374. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-4-361-374>
2. Вендина, О.И., Зиновьев, А.С. (2022). Пограничность и периферийность: к вопросу о контексте формирования калининградской идентичности. *Мир России*, 31(2), 118–143. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-118-143>
3. Вульфович, Р.М. (2023). Россия и Китай: перспективы развития городских агломераций. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 17(3), 140–149. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-140-149>
4. Горнова, Г.В., Воронин, Д.В. (2024). Локальная идентичность в градостроительном развитии: культурологический инструментарий категоризации смысла. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, (1), 24–28. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2024-42-24-28>
5. Гришин, Н.В. (2023). Политические элиты и политика идентичности городских агломераций. *Вопросы элитологии*, 4(2), 61–74. <https://doi.org/10.46539/elit.v4i2.150>
6. Грунт, Е.В., Русских, Л.В. (2020). Городская идентичность уральского мегаполиса в социологическом измерении. В Л. А. Закс и др. (Ред.), *Публичное/частное в современной цивилизации: сб. науч. тр. XXII рос. науч. – практ. конф. (с междунар. участием) (16–17 апреля 2020 г., Екатеринбург)* (с. 235–240). Екатеринбург: Гуманитарный университет.
7. Зиммель, Г. (2018). *Большие города и духовная жизнь*. Москва: Strelka Press.
8. Калашникова, С.К. (2022). Эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении: опыт г. Санкт-Петербурга. *Социально-политические исследования*, (3), 65–79. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-65-79>
9. Калашникова, С.К., Погодина, М.Я. (2024). Российские агломерации в контексте территориальной политики идентичности: опыт критического дискурс-анализа выступлений лидеров регионов. *Дискурс-Пи*, 21(1), 59–77. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_59
10. Мартишина, Н. И. (2020). Мифологический компонент

в конструировании образа города и городской идентичности. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*, (3), 168–178. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-3-168-178>

11. Михайлова, А. А., Барахвостов, П. А., Михайлов, А. С. (2021). Оценка нового урбанистического пространства на основе анализа социальных сетей. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 7(2), 43–57.

12. Николаева, Ж. В., Троицкая, А. А. (2020). Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства. *Журнал фронтирных исследований*, 5(1), 11–28. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2020-10001>

13. Попова, О. В. (2019). Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей. *Южно-российский журнал социальных наук*, 20(4), 74–91. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91>

14. Попова, О. В. (2020). О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии. *Политическая наука*, 4, 86–113. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>

15. Попова, О. В. (2024). Роль муниципалитетов в формировании политики идентичности российских агломераций. *Социально-политические исследования*, 1, 38–50. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-38>

16. Попова, О. В., Гришин, Н. В. (2024). Инструменты государственной политики идентичности в современном мире. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(2), 325–340. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340>

17. Пушкарева, Г. В. (2023). Политика национальной идентичности. В А. И. Соловьев (Ред.), *Политология. Новый лексикон* (с. 375–386). Москва: Аспект Пресс.

18. Семененко, И. С. (2023). Введение. Идентичность в мейнстриме политической науки и в фокусе публичной политики. В И. С. Семененко (Ред.), *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля* (с. 9–16). Москва: Весь Мир.

19. Смирнягин, Л. В. (2008). Агломерация: за и против. *Городской альманах*, 3, 162–174.

20. Сосновская, А. М. (2022). Политика городской идентичности в свете дискурса культурного наследия Санкт-Петербурга. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, 1, 68–83.

21. Сосновская, А. М. (2023). *Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия* [Дис. ... д-ра полит. наук, Санкт-Петербургский государственный университет]. https://disser.spbu.ru/files/2023/disser_sosnovskaya.pdf

22. Степанцов, П. (2021). Пространство солидарности. Почему мы снова уйдем на периферию агломераций. В А. Дробин (Ред.), *Больше, чем город. Границы, масштаб и гравитация городских агломераций* (с. 90–97). Москва: Московский урбанистический форум.

23. Фадеева, Л. А. (2023). Секьюритизация политики идентичности. В А. И. Соловьев (Ред.), *Политология. Новый лексикон* (с. 386–391). Москва:

Аспект Пресс.

24. Фукуяма, Ф. (2019). *Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия*. Москва: Альпина Паблишер.
25. Ebenezer, H. (1902). *Garden cities of Tomorrow*. London: Swan Sonnenschein & Co.
26. Ergen, M. (Ed.) (2018). *Urban Agglomeration*. InTech.
27. Fang, C., & Yu, D. (2017). Urban agglomeration: An evolving concept of an emerging phenomenon. *Landscape and Urban Planning*, 162, 126–136. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.02.014>
28. Fang, C. (2015). Scientifically selecting and hierarchically nurturing China's urban agglomerations for the new normal. *Bulletin of the Chinese Academy of Sciences*, 30(2), 127–136.
29. Gottmann J. (1957). Megalopolis, or the urbanization of the North-eastern seaboard. *Economic Geography*, 33(7), 189–200.
30. Harrison, Ph. (2023). *Governing Complex City-Regions in the Twenty-First Century: Brazil, Russia, India, China, and South Africa*. Wits University Press. <https://doi.org/10.18772/12023118523>
31. Nientied, P., Aliaj, B., & Stachowiak-Bongwa, K. (2022). Social Urban Identity Formation and Local Government. *Current Urban Studies*, 10(3), 361–380.
32. Rahbarianyazd, R., & Doratli, N. (2017). Assessing the contribution of cultural agglomeration in urban regeneration through developing cultural strategies. *European Planning Studies*, 25(10), 1714–1733. <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1317721>
33. Suyendikova, G.K., Ryspekova, G.K., & Niyazbekova, Sh. (2023). Urban agglomeration: developing approaches to a new phenomenon. *Bulletin of the Karaganda University. "Economy" series*, (4), 116–127.

References

1. Bogatova, O.A. (2020). Sotsial'naya identichnost' "gorodov vlasti" v sovremennoy Rossii: osnovnye sotsiologicheskie podkhody [Social Identity of "Power Cities" in Modern Russia: Basic Sociological Approaches], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 4(4), 361–374. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-4-361-374>
2. Vendina, O.I., & Zinovyev, A.S. (2022). Pogranichnost' i periferiynost': k voprosu o kontekste formirovaniya kaliningradskoy identichnosti [Borderland and Peripherality: Discussing the Contexts of Identity Shaping of the Kaliningrad Region Inhabitants]. *Mir Rossii*, 31(2), 118–143. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-118-143>
3. Vulfovich, R.M. (2023). Rossiya i Kitay: perspektivy razvitiya gorodskikh aglomeratsiy [Russia and China: Prospects for the Development of Urban Agglomerations]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, 17(3), 140–149. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-140-149>
4. Gornova, G.V., & Voronin, D.V. (2024). Lokal'naya identichnost' v gradostroitel'nom razviti: kul'turologicheskiy instrumentariy kategorizatsii

smysla [Local Identity in Urban Development: Cultural Tools for Categorizing Meaning]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, (1), 24–28. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2024-42-24-28>

5. Grishin, N. V. (2023). Politicheskie elity i politika identichnosti gorodskikh aglomeratsiy [Political Elites and Identity Politics of Urban Agglomerations]. *Voprosy elitologii*, 4(2), 61–74. <https://doi.org/10.46539/elit.v4i2.150>

6. Grunt, E. V., & Russkikh, L. V. (2020). Gorodskaya identichnost' ural'skogo megapolisa v sotsiologicheskom izmerenii [Urban Identity of the Ural Megalopolis in the Sociological Dimension]. In L. A. Zaks et al. (Ed.), *Publichnoe/chastnoe v sovremennoy tsivilizatsii: sb. nauch. tr. XXII ros. nauch.-prakt. konf. (s mezhdunar. uchastiem)* (16–17 aprelya 2020 g., Ekaterinburg) (pp. 235–240). Ekaterinburg: Gumanitarnyy universitet.

7. Zimmel, G. (2018). *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [Big Cities and Spiritual Life]. Moscow: Strelka Press.

8. Kalashnikova, S. K. (2022). Effektivnost' regional'noy politiki identichnosti v obshchestvennom mnenii: opyt g. Sankt-Peterburga [Effectiveness of Regional Identity Politics in Public Opinion: Experience of St. Petersburg]. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, (3), 65–79. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-65-79>

9. Kalashnikova, S. K., & Pogodina, M. Ya. (2024). Rossiyskie aglomeratsii v kontekste territorial'noy politiki identichnosti: opyt kriticheskogo diskurs-analiza vystupleniy liderov regionov [Russian Agglomerations in the Context of Territorial Identity Politics: Critical Discourse Analysis of Regional Authorities' Speeches]. *Diskurs-Pi*, 21(1), 59–77. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_59

10. Martishina, N. I. (2020). Mifologicheskiiy komponent v konstruirovaniy obraza goroda i gorodskoy identichnosti [A Mythological Component in the Construction of the Image of the City and Urban Identity]. *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki*, (3), 168–178. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-3-168-178>

11. Mikhaylova, A. A., Barakhvostov, P. A., & Mikhaylov, A. S. (2021). Otsenka novogo urbanisticheskogo prostranstva na osnove analiza sotsial'nykh setey [Evaluation of New Urban Spaces Based on Social Networks Analysis]. *Geopolitika i ekogodinamika regionov*, 7(2), 43–57.

12. Nikolaeva, Zh. V., & Troitskaya, A. A. (2020). Diskurs ob identichnosti kak sposob osmysleniya gorodskogo prostranstva [Discourse on Identity as a Way of Understanding Urban Space]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*, 5(1), 11–28. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2020-10001>

13. Popova, O. V. (2019). Gosudarstvennaya politika identichnosti kak teoreticheskiiy konstrukt i real'naya praktika: opyt ekspertnykh otsenok rossiyskikh issledovateley [Identity Policy at National Level as a Theoretical Construct and Real Practice: Expert Assessments Attempt]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, 20(4), 74–91. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91>

14. Popova, O. V. (2020). O nereshennykh problemakh teorii gosudarstvennoy politiki identichnosti v rossiyskoy politologii [Unresolved Problems in the Theory of State Identity Policy in Russian Political Science]. *Politicheskaya nauka*, 4, 86–113. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>

15. Popova, O.V. (2024). Rol' munitsipalitetov v formirovanii politiki identichnosti rossiyskikh aglomeratsiy [Role of Municipalities in Shaping the Policy of Russian Agglomerations Identity]. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, 1, 38–50. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2024-1-22-38>
16. Popova, O.V., & Grishin, N.V. (2024). Instrumenty gosudarstvennoy politiki identichnosti v sovremennom mire [Instruments of State Identity Policy in the Contemporary World]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 26(2), 325–340. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340>
17. Pushkareva, G.V. (2023). Politika natsional'noy identichnosti [The politics of national identity]. In A.I. Soloviev (Ed.), *Politologiya. Novyy leksikon* (pp. 375–386). Moscow: Aspekt Press.
18. Semenenko, I.S. (2023). Vvedenie. Identichnost' v meynstrime politicheskoy nauki i v fokuse publichnoy politiki [Introduction. Identity in the mainstream of political science and in the focus of public policy]. In I.S. Semenenko (Ed.), *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* (pp. 9–16). Moscow: Ves' Mir.
19. Smirnyagin, L.V. (2008). Aglomeratsiya: za i protiv [Agglomeration: pros and cons]. *Gorodskoy al'manakh*, 3, 162–174.
20. Sosnovskaya, A.M. (2022). Politika gorodskoy identichnosti v svete diskursa kul'turnogo naslediya Sankt-Peterburga [Politics of Urban Identity in the Cultural Heritage Discourse of St. Petersburg]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 1, 68–83.
21. Sosnovskaya, A.M. (2023). Politika gorodskoy identichnosti v diskurse kul'turnogo naslediya [Urban identity politics in cultural heritage discourse] [Dissertation, St. Petersburg State University]. https://disser.spbu.ru/files/2023/disser_sosnovskaya.pdf
22. Stepantsov, P. (2021). Prostranstvo solidarnosti. Pochemu my snova uydem na periferiyu aglomeratsiy [A space of solidarity. Why will we go back to the periphery of agglomerations]. In A. Drobin (Ed.), *Bol'she, chem gorod. Granitsy, masshtab i gravitatsiya gorodskikh aglomeratsiy* (pp. 90–97). Moscow: Moskovskiy urbanisticheskii forum.
23. Fadeeva, L.A. (2023). Sek'yuritizatsiya politiki identichnosti [Securitization of identity politics]. In A.I. Soloviev (Ed.), *Politologiya. Novyy leksikon* (pp. 386–391). Moscow: Aspekt Press.
24. Fukuyama, F. (2019). *Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatya* [Identity: The demand for dignity and the politics of resentment]. Moscow: Al'pina Publisher.
25. Ebenezer, H. (1902). *Garden cities of Tomorrow*. London: Swan Sonnenschein & Co.
26. Ergen, M. (Ed.) (2018). *Urban Agglomeration*. InTech.
27. Fang, C., & Yu, D. (2017). Urban agglomeration: An evolving concept of an emerging phenomenon. *Landscape and Urban Planning*, 162, 126–136. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.02.014>
28. Fang, C. (2015). Scientifically selecting and hierarchically nurturing China's urban agglomerations for the new normal. *Bulletin of the Chinese Academy of Sciences*,

30(2), 127–136.

29. Gottmann J. (1957). Megalopolis, or the urbanization of the North-eastern seaboard. *Economic Geography*, 33(7), 189–200.

30. Harrison, Ph. (2023). *Governing Complex City-Regions in the Twenty-First Century: Brazil, Russia, India, China, and South Africa*. Wits University Press. <https://doi.org/10.18772/12023118523>

31. Nientied, P., Aliaj, B., & Stachowiak-Bongwa, K. (2022). Social Urban Identity Formation and Local Government. *Current Urban Studies*, 10(3), 361–380.

32. Rahbarianyazd, R., & Doratli, N. (2017). Assessing the contribution of cultural agglomeration in urban regeneration through developing cultural strategies. *European Planning Studies*, 25(10), 1714–1733. <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1317721>

33. Suyendikova, G.K., Ryspekova, G.K., & Niyazbekova, Sh. (2023). Urban agglomeration: developing approaches to a new phenomenon. *Bulletin of the Karaganda University. "Economy" series*, (4), 116–127.

Информация об авторе

Николай Алексеевич Баранов, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3547-3644>, e-mail: nicbar@mail.ru

Information about the author

Nikolay Alekseevich Baranov, Doctor of Sciences (Political Sciences), Professor, Professor for the Department of International Relations, Northwest Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Researcher, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3547-3644>, e-mail: nicbar@mail.ru
